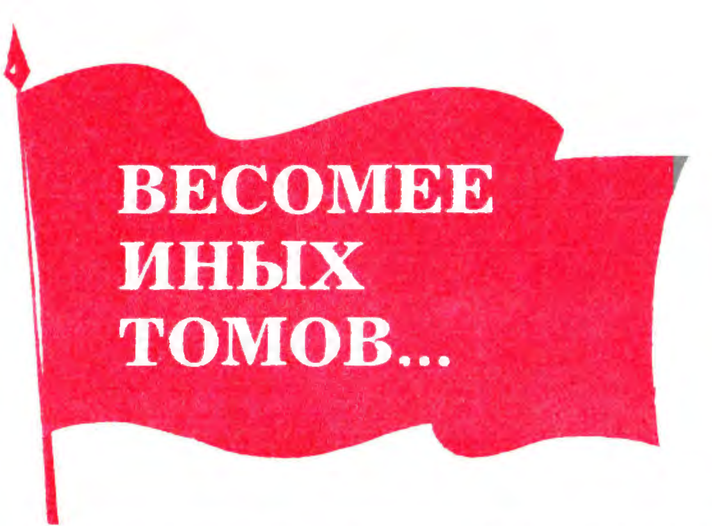

КРОКОДИЛ

№ 28 ● октябрь ● 1982

ISSN 0130-2671

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Пять лет прошло, как Верховный Совет СССР принял новый Основной Закон — основной закон жизни нашего государства —

**КОНСТИТУЦИЮ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.**

Интерес советских людей к Основному Закону закономерен. Потому что об этой книге с полным основанием можно сказать: весомее иных томов... Читая и перечитывая ее, словно подымаешься на высоту, откуда четко просматриваются и контуры минувшего и дали грядущего. Здесь в отточенных определениях сплав исторического итога с ясной, выверенной перспективой. И здесь главные устои государственного и народного бытия, краеугольный фундамент общества, где забота всех о благе каждого естественно смыкается с заботой каждого о благе всех.

Вчитываясь, мы начинаем осязать в неторопливо-спокойном, размеренном ритме Закона напряженное биение пульса нашей сегодняшней быстротекущей жизни.

Через непреложную, строгую, подчас жесткую букву Закона прорывается его дух — страстный, созидательный, противоборствующий.

Конституция живет, работает, строит — и сражается.

Конституция утверждает основные нормы социализма и отрицает все, что в эти нормы не вписывается и не укладывается.

Художник изобразил на обложке лежащего перед вами номера журнала лишь некоторые из этих зловредных, ненормальных, неконституционных явлений.

«Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях», — сказано в статье 10 Конституции. «Долг гражданина СССР, — подчеркивается в статье 61, — бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру».

Легко представить себе, сколь это не по нраву нахрапистым ловчилам и хищным скопидомам, мздоимцам и спекулянтам, хапугам и «несунам» с их завидущими зенками и липкими загребущими пятернями...

«Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе», — говорится в статье 14.

Нетрудно догадаться, почему косо поглядывают на эту статью те, кого терзает одна забота: как бы поменьше обществу дать, а побольше от общего пирога урвать, — лоботрясы и бракоделы, летуны и прогульщики, лодыри и выпивохи...

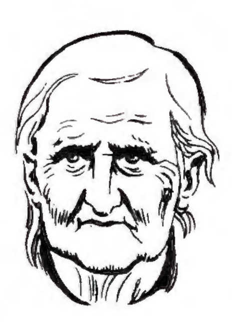
А каково самодовольному человеку, испытывающему невыносимую аллергию к любому откровенному критическому слову, читать статью 49, ведь там вполне вразумительно и образумительно записано, что «преследование за критику запрещается», а «лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности»...

Не позавидуешь и тому горе-хозяйственнику, который может напороться на статью 92, определяющую, как органам народного контроля вести «борьбу с нарушениями государственной дисциплины, проявлениями местничества, ведомственного подхода к делу, с бесхозяйственностью и расточительством, волокитой и бюрократизмом...».

Отмечая первое пятилетие новой Конституции, мы видим, что Основной Закон нашего государства — это также и закон жизни каждого советского человека. Каждого, кто не терпит возле себя того, что этому Закону противостоит и противоречит.

Кондрат УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

Достопочтенная Минуца

— Семья наша могла бы быть еще больше, еще лучше, — с грустью добавляет калбатони Минуца. — Ведь сколько людей война унесла...

Минуце Шамугия сто два года.

Когда в родном селе решили торжественно отметить ее день рождения, Минуца сказала:

— Чем мотивируете такую спешку? Сто два года! Что за юбилей? Подождали бы до настоящей даты! Вот будет сто десять, сто пятнадцать, сто двадцать пять...

На что секретарь Гальского райкома партии Шота Шарангия возразил:

— Калбатони Минуца! Мы не сомневаемся, что впереди у вас много круглых дат. Но когда человек живет больше века, когда всю сознательную жизнь он трудится не покладая рук, тогда каждый новый год заслуживает, чтобы его отмечали.

Начинается сезон сбора чая. Право сорвать первый листик предоставляется первой стахановке-чаесборщице Минуце Шамугия.

— Прекрасная традиция! — восхищенно говорит приехавший корреспондент.

— Прекрасная-то прекрасная, — отзывается бригадир Гиви Ригвава. — Вот только калбатони Минуца постоянно нарушает традицию. Ее просят сорвать первый листик, а она увлекается и продолжает работать весь день. И на следующий день выходит и еще на следующий... Так весь сезон.

— И знаете, — добавляет секретарь совхозной парторганизации Георгий Мирцхулава, — калбатони Минуца ни в чем не уступает молодым чаесборщицам. В прошлом году она ежедневно собирала сорок — пятьдесят килограммов листа.

— Э, да разве дело в количестве! — вступает в разговор сама калбатони Минуца. — Былую славу грузинского чая надо возродить. Правильно говорил товарищ Шеварднадзе: качество — вот что главное!

Минуца Шамугия работает... Когда глядишь на ее ловкие руки, забываешь, сколько этой женщине лет. И невольно вспоминаются сравнительно молодые и довольно-таки здоровые люди, которые еще за два года до наступления пенсионного возраста начинают мотаться по всевозможным инстанциям, собирая необходимые справки. И необходимый трудовой стаж у них едва наскребается, и беспрерывность его еле-еле удается подтвердить. Зато когда подходит желанный пенсионный рубеж, они вам дня лишнего не проработают. Только и остается у них интереса в жизни — с нетерпением ждать, когда будут выдавать пенсию...

Какой же трудовой стаж у Минуцы Шамугия?

— Да я и сама не могу сказать точно, — говорит калбатони Минуца. — Может быть, девяносто лет, может быть, девяносто пять. И непрерывный стаж такой же. Никогда не могла сидеть сложа руки. Всю жизнь чай собирала. Еще была секретарем партийной организации бывшего колхоза «Гигант», председателем сельского Совета, членом бюро райкома партии...

— Когда это было, калбатони Минуца?

— Недавно. Совсем недавно. Тогда я еще могла скакать на коне. Значит, мне было не больше шестидесяти. Но писать и читать уже умела. Значит, мне было больше пятидесяти.

Кавказское долголетие так же традиционно, как кавказское гостеприимство. Но все же, когда Минуца приглашает тебя в свою уютную пацху-марани и наливает из кувшина ароматного вина, нет сил удержаться от традиционного вопроса:

— Так в чем же секрет вашей неиссякаемой молодости, калбатони Минуца?

— Секрета никакого нет, — отвечает с улыбкой Минуца Шамугия. — Живу, как живут многие женщины. Встаю чуть свет. Домашнее хозяйство тоже много времени требует. Да и семья большая. Перед работой всех завтраком надо накормить, самой покушать. Так что думать о старости и болезнях просто некогда. Будь моя воля, я бы прибавила к суткам часов шесть — восемь. Больше времени смогла бы уделять внукам и правнукам.

— Но у вас же в семье почти все взрослые, калбатони!

— Это как посмотреть! — лукаво улыбается достопочтенная Минуца. — Знаете ведь, как у нас говорят: пока внук не ушел на пенсию, ему надо помогать.

Так вот и живет Минуца, труженица, наставница, мать и бабушка. Глава большой семьи.

В селе Земо-Баргеби живет Минуца Степановна Шамугия, при обращении к которой все добавляют слово «калбатони», что значит «достопочтенная».

Так и говорят: «Калбатони Минуца» или «Наша калбатони».

— А как Ирма в школе учится? — спрашивает, к примеру, Минуца Шамугия, придя домой. — Не нахватала ли двоек?

— Нет, калбатони, одни пятерки, — отвечают ей.

— Пусть все-таки дневник принесет. Я погляжу...

— Хорошо, калбатони. Обязательно принесет.

Ирме десять лет. Она пра-пра-пра-пра... Нет, тут можно запутаться, сколько «пра» поставить перед «внучкой». Проще сказать: Ирма — шестое поколение Минуцы Шамугия. Ее самая юная и самая любимая наследница. Семидесятая по счету.

— Карги оджахи! Хорошая семья! — говорит директор совхоза Номери Майсурадзе. — Настоящая трудовая династия! Хоть и по женской линии.

Грузинская ССР.

ИНОСТРАННОСТИ

Похищение фрау консульши

«Похитили госпожу консульшу!» — это известие из Гранады разнеслось по всей Европе. Неизвестные злоумышленники похитили жену консула ФРГ в Гранаде Хорвитца. Через несколько часов после похищения они потребовали немалый выкуп. Требование было адресовано правительству ФРГ: лиходеи понимали, что с консула много не сдерешь.

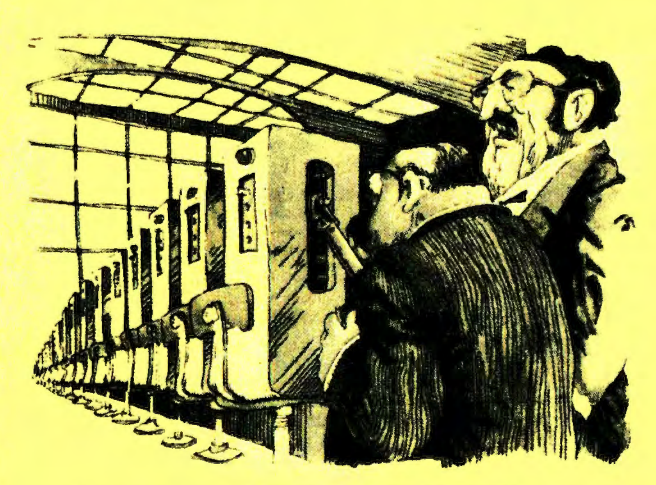
Однако власти ФРГ категорически отказались платить. Они упорствовали, даже когда поступила угроза прикончить несчастную фрау: очевидно, в расходной части бюджета ФРГ нет статьи «выкуп жен». Потянулись недели напряженной неизвестности...

И вдруг фрау Хорвитц возникла на свободе. Заламывая руки и закатывая глаза под выщипанные бровки, она красочно живописала свою драматическую эпопею. «Но,— завершила она рассказ,— когда мерзавцы поняли, что не получат за меня ни пфеннига, они отпустили меня».

Газеты писали о «трагедии со счастливым концом».

Однако пресса ошиблась: конец наступил позже. Испанская полиция после обстоятельного расследования арестовала... фрау Хорвитц и ее сообщников. Выяснилось, что «похищение» инсценировала сама консульша в рассуждении хапнуть куш. Уразумев, что номер не прошел, она расплатилась с «похитителями» и освободила себя из добровольного «заточения».

Теперь ее ожидает заточение без кавычек.

НА ЗАПАДНОГЕРМАНСКОМ ЗАВОДЕ. Управляющий — монополисту: «Не правда ли, отличные ребята: они не требуют зарплаты. А на сэкономленные деньги мы сможем создать новые рабочие места — для роботов, разумеется!»

«Ойленшпигель», ГДР.

ОСТОРОЖНО, «ОПТИМА»!

Американский конгрессмен Джон Лебутилльє посетил недавно Пентагон и обнаружил там нечто неслыханное: большинство пишущих машинок в канцеляриях министерства обороны США было производства ГДР — марки «Оптима». «Это вопиющий факт!» — с негодованием заявил конгрессмен, немедленно разыскал шефа Пентагона Уайнбергера и выразил резкий протест против «коммунистических» пишущих машинок в Пентагоне.

— Неужели вы не боитесь, господин министр,— волновался он,— что в эти пишущие машинки встроены тайные минимикрофоны, с помощью которых коммунисты имеют возможность слушать все секретные совещания и разговоры в Пентагоне?!

Министр Уайнбергер ответил, что он так не думает, но пообещал провести расследование. Через несколько дней он сообщил конгрессмену, что хозяйственное управление Пентагона приобрело машинки «Оптима», так как они отличаются высоким качеством и недороги, а тайных микрофонов в них не обнаружено.

Конгрессмена Лебутилльє ответ не успокоил. Он поднял тревогу, привлек на свою сторону других членов конгресса, и они уже внесли законопроект, который запрещает Пентагону и другим министерствам в Вашингтоне покупать «пишущие машинки из социалистических стран».

В общем, попала «Оптима» не в оптимальные условия...

АГЕНТ 007 СУДИТСЯ...

Киноактер Син Коннери, наживший миллионы исполнением ролей Джеймса Бонда в фильмах о похождениях «агента 007», ведет процесс против своего бывшего юриста Кеннета Ричардса. Дело в том, что Ричардс потребовал два процента с выручки, полученной Сином Коннери за 13 последних фильмов. Но разве возьмешь Джеймса Бонда голыми руками? «Сверхсекретный агент» нанес сокрушительный ответный удар: он обвинил Ричардса в том, что тот не выполнял как следует своих обязанностей, отчего, мол, Коннери лишился многих доходов.

В общем, Син Коннери сражается за свои деньги не хуже, чем Джеймс Бонд. Вот что значит вжиться в образ!

Возвращаясь к напечатанному

НЕУДЕРЖИМАЯ ПОСТУПЬ ПРОГРЕССА

Американский технический прогресс налицо. Когда-то, сотни полторы лет назад, по неукатанным дорогам необжитой Америки тащились дилижансы и фургоны. Лошадей били бичами. Негров тоже. Шли годы, и по разутюженным лентам шоссе покатили лимузины, напичканные всякой технической всячиной. Нажмешь кнопочку, и на крыле вырастает гибкий, сверкающий хлыст антенны. Явный прогресс, не правда ли? Но неграм он принес мало радости. Скорее наоборот. По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, в округе Куинс (пригород Нью-Йорка) группа подвыпивших белых напала на черных и принялась их полосовать «кнутами, сделанными из автомобильных антенн». Вы только подумайте, чем били! Дарами цивилизации!

Об этой истории «Крокодил» рассказал почти четверть века назад в иронической заметке под заголовком «К вопросу о прогрессе». Заметка кончалась такими словами:

«Что же дальше? Вернее, чем же дальше? Рукояткой синхрофазотрона?»

Наверное, самому автору заметки эта концовка казалась лихим завитком фантазии, смелым доведением до абсурда. Но в Америке сбываются самые абсурдные гипотезы. Такая уж это страна.

Недавно журнал «Тайм» сообщил об очередных выходках куклуксклановцев. В университете штата Индиана они подожгли свои зловещие кресты. Один, деревянный, был установлен на лужайке перед домом негритянского студенческого землячества, другой (внимание, внимание!), «сделанный из компьютерных перфокарт, был приклеен к окну спальни двух негритянских студентов и подожжен».

Били ли негров за прошедшую четверть века рукоятками от синхрофазотрона нам неизвестно, но разве кресты из компьютерных перфокарт не менее впечатляющий пример новейших достижений техники, приспособленных для нужд расизма?

Что же дальше? Вернее, чем же дальше намереваются американские расисты изводить чернокожих граждан? Лазерным лучом?

Что за счастливую парочку, радующуюся пачке банкнот, видим мы на этом снимке? Может быть, им повезло в рулетке или подвалило нежданное наследство? Нет, перед нами — новоявленный американский «пророк» Бхагван, или «Сир Бог», как он сам предпочитает именоваться, и одна из его приближенных послушниц.

Бхагван сулит своей пастве пропуск в рай, но пропуск не бесплатный: за билет в сферу вечного блаженства нужно платить долларами, ибо проповедник самозабвенно увещевает простодушных отказываться от всех материальных ценностей. Естественно, в свою пользу.

Сам же святой отец Бхагван уповает в основном на земное блаженство, в чем весьма преуспел,— он стал одним из богатейших земельных баронов Америки. Живет он отнюдь не в келье: к его услугам дворцы-особняки, да и передвигается «пророк» не пешком с посохом,— недаром же он коллекционирует самые дорогие автомобили.

Фото из журнала «Лайф».

Николай ЭНТЕЛИС

СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА, *или* ВЕРДИ НЕ ВИНОВАТ

Во время исполнения «Аиды» Д. Верди в Баварском оперном театре центральная сцена спектакля прошла без знаменитого хорового пения: забастовали хористы, требуя улучшения условий труда.

С волнением узнали мы о хоре...
Случиться и такое может вскоре:

— Бастую я! Оповестите прессу! —
Споет Аида громко Радамесу.

— Иду в пикет! Зарплата маловата! —
Альфреда огорошит Травиата.

И Риголетто герцогу-вельможе
Заявит гордо: — Я бастую тоже!

* * *

Когда съедает бундесвер дотации,
Тогда в театрах не гремят овации.

ПРЕИМУЩЕСТВО

По сообщению министерства национального образования Турции, в настоящее время в стране при населении около 48 миллионов человек насчитывается 13 миллионов неграмотных.

Подобные цифры,
Конечно, грустны и тревожны:
Неграмотных в Турции столько,
Что не сосчитать.
Но мрачной статистикой
Их огорчить невозможно,
Поскольку они
Все равно не умеют читать.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

КОНЕЦ СЕНЬКИ ХЛЮСТА

Вечер был темен, как мысли злодея. Молодой наивный месяц, романтичный и честолюбивый, изо всех сил пытался рассеять тьму, но его то и дело оттирали плечом хмурые и заспанные облака, несущиеся напролом, не разбирая дороги, словно опаздывающие на работу служащие в часы пик.

В такие вечера хорошо, задернув штору, сидеть дома у телевизора и снисходительно почесывать за ухом сиамского кота.

Или ехать в вагоне скорого поезда, уютно устроившись у окна со своей жареной курицей.

Или стоять в обшарпанном, но симпатичном подъезде с двумя небритыми, но славными ребятами и пускать по кругу захватанный, но родной стакан.

Однако неуютно и грустно в такой вечер одному на неосвещенной улице, да еще в глухом, безлюдном месте. Поэтому жалость и сочувствие вызывал невысокий, скромно одетый мужчина, стоящий именно в таком месте и тщетно дожидающийся кого-то под разбитым еще в прошлом году фонарем. Он зябко втягивал голову в воротник нескладного, плохо сшитого пальто и, нервничая, поглядывал на часы. Ждал он долго и безропотно, и наконец терпение его было вознаграждено. Вдали послышался звук торопливых шагов, и из-за угла показался сутулый худощавый человек в съехавшем на самое ухо берете. Тот, что стоял под фонарем, вздрогнул, отступил назад и, когда сутулый поравнялся с ним, вдруг резко загородил ему дорогу. В руке его нехорошим, неприветливым блеском сверкнула сталь.

— Раздевайся! — буднично сказал он.

— Как?! — опешил прохожий.— Зачем?.. Что... что вам от меня нужно?!

— Мне нужно, чтобы ты разделся,— терпеливо пояснил низенький.— Пальто снял, костюм, часы... ну и все такое Берет можешь себе оставить. Этим не интересуемся. Остальное отдашь мне.

— Но... для чего, собственно? — туповато спросил прохожий.— Кто вы такой?

— Вот заладил: что, да кто, да зачем! — рассердился собеседник.— Грабитель я. Понимаешь? Бандит, грубо говоря. Сенька Хлюст. Может, слышал?

— Нет, не приходилось...— подумав, сказал сутулый.— Редкая у вас специальность...

— Редкая,— с достоинством кивнул грабитель.— Вымирающая, можно сказать. Во всем городе, почитай, я один по этому профилю остался. Пора в Красную книгу заносить. Однако ты это... кончай в душу лезть со своими комплиментами. Раздевайся быстрее, а то стоять тут холодно, на ветру. Да не вздумай кричать или, чего доброго, сопротивляться!

— Ну что вы,— испугался раздеваемый.— Я и в мыслях не держу! Вот вам, пожалуйста, пальто... Почти новое, этой весной купил. Так... Это, держите, пиджак... Сейчас часы сниму... Осторожно, не уроните... Ну вот, теперь, кажется, все. Могу идти?

— Валяй! — согласился Сенька Хлюст.— Молодец, быстро управился! Ну иди! А я тут, пожалуй, еще полчасика подежурю. Сколько сейчас времени-то?

— Точно не скажу,— покачал головой ограбленный.— Вы же у меня часы-то... того... реквизировали...

— А, ну да, конечно! — спохватился бандит.— Сейчас сам взгляну...

Он поднес к глазам снятые с прохожего часы и присвистнул:

— Ого! Почти десять! Ничего себе, провозился я с тобой!

— Надо сделать поправку,— возразил бывший владелец часов.— Они спешат на двадцать две минуты. Так что если вы мне скажете точно, сколько они показывают, я вычислю правильное время.

— На двадцать две минуты?! — присвистнул Хлюст.— Это что ж... Не местного ли часового завода продукция?

— Местного,— кивнул ограбленный.— Да вы не сомневайтесь, они не испорченные. А что часто останавливаются, так это не беда. Надо только рукой посильней потрясти или постучать обо что-нибудь...

— Я тебя самого сейчас так потрясу, что забудешь, по каким дням у тебя получка! — рассвирепел грабитель.— Ты что мне, гад, подсовываешь?! А ну, забирай обратно свои ходики! Себе по затылку ими стучи...

Он поднес карманный фонарик к снятому с прохожего пальто и принялся разглядывать фабричное клеймо.

— Швейная фабрика имени Дня работника легкой промышленности,— нахмурив брови, прочел Сенька Хлюст.— Так... значит, пальто тоже местного производства?

— Местного,— подтвердил человек в берете.

— Так-так... Может, и костюм тоже этой фабрики?

— Этой,— сознался прохожий.

— Негодяй! — с чувством произнес грабитель и от возмущения перешел на «вы».— Я думал, вы интеллигентный человек, а вы... вы носите это барахло, и вам не совестно! Да у меня им все шкафы и чемоданы забиты! Разденешь человека, а потом мыкаешься, не знаешь, кому эту дрянь продать! Ее за полцены никто не хочет покупать!

— Ничего другого в продаже не было,— виновато развел руками человек в берете.— Я все магазины в городе обошел, везде только это, вы уж извините.

— Да ладно,— смягчился Сенька.— Чего уж там! Оба мы с тобой влипли. У-у, бракоделы проклятые! Чего я только не делал, чтоб они качество повысили! Три анонимки на них написал! Хорошие такие анонимки, душевные. Журналиста я тут одного раздевал, так он мне сочинить помог. Да что толку! Потом мои письма к ним же на фабрику и переслали. Нет, видно, пора кончать, а то меня эта фабрика по миру скоро пустит. Все, хватит, завязываю. Надевай свое барахло, и разойдемся, как в море корабли!

Он помог прохожему одеться и, вздохнув, добавил:

— В общем, кончился Сенька Хлюст! С завтрашнего дня честным человеком становлюсь... Ну ладно, бывай!

Он шмыгнул носом, выбросил в помойку нож и, крепко пожав прохожему вспотевшую руку, решительно отправился начинать новую жизнь.

ПРИЕМ

ВЫДАЧА

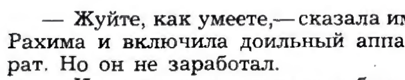
БЕЗ СЛОВ О ХИМЧИСТКЕ.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Марсель САЛИМОВ

КАК ЖЕВАТЬ СОЛОМУ?

Явившись утром на ферму и обнаружив, что транспортер навозоудаления не работает, доярка Рахима бросилась искать механика.

— Не ищи его: он уехал на теоретический семинар по навозу,— пояснил зоотехник.— Ты разве не заметила, какой ограниченный кругозор у нашего механика? Только о своих гайках и толкует. А навоз как таковой его мало интересует. Он, например, совершенно не знает, как использовался навоз в Древнем Риме. Ему даже неизвестно, сколько всего на земле производителей навоза.

— А не все ли равно коровам, знает механик о навозе Древнего Рима или нет? — резонно заметила Рахима.— Их больше интересует современный навоз, в котором они топчутся.

— Вот и поработай вилами,— сказал зоотехник.— Ты женщина сообразительная, хотя и без соответствующей теоретической подготовки.

Рахима пошла за вилами, но зоотехник остановил ее:

— Постой, я забыл, что весь инвентарь заперт в котельной. А ключ у кочегара, которого отправили на курсы по изучению проблем угледобычи.

— То-то, я смотрю, на ферме холодновато,— вздохнула Рахима.— А на что нашему кочегару эти проблемы?

— Хороший ты человек, Рахима, но мыслишь не по-современному,— усмехнулся зоотехник.— Ну, скажи, как можно работать в котельной и ничего не знать о мировых запасах угля? Смешно сказать, наш кочегар даже не знает, имеются ли запасы угля в Антарктиде!

— Какой ужас! — сделала большие глаза Рахима.— А коровы-то — те и вообще про Антарктиду не слыхали.

Она сходила домой за вилами и почистила коровник. Но коровы продолжали требовательно мычать. Рахима принялась искать работника, раздающего корм.

— Что за беспечный человек? — возмущалась она.— У скотины кормушки пустые, а он где-то прохлаждается!

— Не возводи напраслины на человека,— опять встрял зоотехник.— Коровий кормилец еще вчера отбыл на совещание о том, как научить коров правильно жевать солому.

Рахима покачала головой и положила перед животными мерзлую солому.

— Жуйте, как умеете,— сказала им Рахима и включила доильный аппарат. Но он не заработал.

— Неужели и аппаратчик набирается знаний? — испугалась Рахима.

— Угадала, — ответил зоотехник.— Сейчас он в соседнем районе слушает лекции по истории доения.

— Выходит, кроме вас, на ферме не осталось ни одного специалиста? Так что же вы тут слоняетесь? Скорее беритесь за дело!

— Ишь, какая быстрая! — возмутился зоотехник.— А это видела?

И он продемонстрировал Рахиме телефонограмму. В ней было сказано, что зоотехнику необходимо срочно выехать на конференцию по вопросам использования рогов в прикладном искусстве.

В это время подъехал председатель колхоза.

— Я только что с совещания,— проинформировал он.— Прошу через час собраться в красном уголке. Рекомендовано провести беседу о пользе коровьего молока.

— А не провести ли нам и беседу для коров? — предложила Рахима.— Тема: «Самообслуживание крупного рогатого скота в условиях поголовной тяги к знаниям».

Перевел с башкирского Э. ПОЛЯНСКИЙ.

МЕСТА РАСПРЕДЕЛИЛИСЬ...

Рисунок Е. ГУРОВА.

Анатолий БАБЫКИН

ИСПОРЧЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ВЕЧЕР

Люблю я культурненько отдохнуть. Посидеть в ресторанчике, музыку послушать, душу отвести.

Вот вчера наметился культурненький вечерок. Ресторанчик, доложу вам, симпатюшка, уютненький. Меню в прелестной глянцевой оберточке.

Листаю. А официант рядом столбом торчит. Ишь, улыбку на физиономию наклеил, вежливого из себя корчит, дубина. Ничего, пускай потолчется около меня, зарплату за это получает...

Заказываю.

— Только побыстрей, а то начнешь ползать, как черепаха,— говорю ему.

Ну, думаю, теперь обязательно через час приплетется, лоботряс чертов.

Нет, минут через пять является, графин на столик ставит. Да еще «пожалуйста» приговаривает. И улыбается.

Знаю, чего скалишься: наверняка вместо ста граммов пятьдесят в графинчик накапал. Измерил рюмками: ровно сто. Тогда, значит, водой разбавил, химик ресторанный...

Тут и горячее притащил. Ясно, почему быстро — шашлык со вчерашнего дня на кухне завалялся. Ткнул вилкой — гляди-ка, мясо свежее и даже горячее. Странно...

Допил черный кофеек. Вот уж теперь отыграется на мне этот улыбчивый идиот. Но не на того напал. Я карандашиком на скатерке подсчитал с полной точностью: 4 рубля 72 копеечки.

Обращаюсь к нему с подковыркой:

— Ну, давай обсчитывай.

Счет подает. Написано: «4 руб. 72 коп.». Небось, ответ на скатерти подсмотрел...

Выкладываю две трешницы. Сдачи, разумеется, не дождусь, до завтрашнего утра будет своим кошельком трясти.

А он рубль (даже не металлический) подает и 28 копеек еще добавляет. «Рады видеть в нашем ресторане!» — и опять улыбается.

Тут мои нервы не выдерживают.

— С твоей бы ряхой да кирпичи на стройке таскать,— даю ему ценный совет.

— Зачем,— отвечает,— я торговый техникум кончал.

— Двоечником, небось, был, экзамены за тебя другие сдавали, уж больно твоя физиономия дегенеративная.

— Ошибаетесь, диплом с отличием имею.

— Тогда, значит, в твоем техникуме все преподаватели — сплошные идиоты!

И ушел я. Надо же так испортить вечер! А начиналось все культурненько, уютненький ресторанчик, прелестное меню...

Тьфу ты, какой-то ненормальный официант попался.

г. Мурманск.

Когда в мае нынешнего года была принята Продовольственная программа, Крокодил задумался: а чем он может помочь ее осуществлению?

Нет, решили крокодильцы, мы вовсе не будем давать советы специалистам, как надо хозяйствовать. Мы во весь голос будем говорить, как не надо. И тем самым предупреждать от ошибок других хозяйственников и вести конструктивную критику всевозможных недостатков. Так, в № 18 за этот год появилась рубрика «Чтобы колос стал колоссом». Но постепенно Крокодил понял, что в одной рубрике ему тесно, к тому же жаль сдавать в архив такой раздел, как, допустим, «Хождение по тукам», который был замечен читателями. Решили его оставить, а заодно ввести несколько новых. И пусть они станут этакими подрубриками.

Сегодня мы открываем первую из них. Под ней будут печататься фельетоны о тех, кто не умеет сберечь все, что произведено и собрано на полях и фермах.

Итак,

Что с возу упало...

Татьяна ШАБАШОВА, специальный корреспондент Крокодила

СЮЖЕТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОГО ПРИКАЗА

Любуясь земляком-курянином в теплом пуловере, бутузом-курянчиком в вязаных ползунках или симпатичной курянкой, чей стан схвачен изящным шерстяным костюмом, труженик совхоза «Октябрьский» не случайно испытывал прилив гордости. «Наших рук дело!—пела его душа.—Это мы, октябрьцы, при плане 120 преподнесли трикотажникам 185 центнеров первосортного руна!»

Второе дыхание обрел «Октябрьский», когда после разукрупнения на заре семидесятых приголубил у себя это кудлатенькое жвачное. Вставший у совхозного руля опытный овцевод Виктор Иванович Гайдуков решительно повел хозяйство по овцеводческой стезе.

Дело заладилось. В ответ на заботу поголовье весело множилось. Красавицы породы «прекос» щедро отдавали свою шерсть. Совхоз богател. Мало кто мог угнаться за «Октябрьским», когда нес он свой вклад в выполнение районного плана по продаже шерсти. Воздавались почести, звучали похвалы...

Так бы совхозу жить да процветать. Но только что за чудеса? Уже не под бременем славы, а под бременем убытков сутулится совхоз. И виной тому опять же овца.

Еще древние знали о том, что не одними кудрями красна она, а что дана ей дивная способность превращаться в баранину. Эти ценные сведения дошли и до наших дней. Для этой цели гурт откормленных особей, у которых шерстка начинает редеть, полагается отправлять на печальное предприятие, так сказать, в последний путь.

В совхозе же «Октябрьский» овечек с поредевшими кудрями сгоняли в овчарни, пока не накопилось их в четыре раза больше, чем в состоянии выдержать кормовая база. И посаженная на голодную диету овца худела так, что душа из нее вон.

В овчарнях становилось все теснее, а совхоз «Октябрьский» между тем в 1981 году завалил план по продаже мяса: выполнил с грехом пополам на 39 процентов, иначе говоря, недовложил в наши с вами кастрюли и сковородки сто семьдесят девять центнеров ценного мясопродукта.

В этой тревожной ситуации замечательную выдержку проявило Управление сельского хозяйства Курского облисполкома: не моргнуло глазом. Его, видимо, вполне устраивало перевыполнение плана по овечьим головам.

Но нашлись любознательные, заглянули в овчарни...

В вытертых, побитых временем овечьих шкурках копошилось нечто дряхлое и хилое. Мощи уже и на ногах не стояли, а лежали, откинув копытца, и по старости не то что до мясокомбината—до кормушки дотянуться были не в силах. Впрочем, кормушки не стоили того, чтобы к ним тянуться.

Сыскали директора Гайдукова на предмет пролития света.

— Для чего тянется здесь это унылое овечье существование?

Глухо молчал Виктор Иванович, и только когда стали проверяющие пытать его про настриг да про производство, не выдержал:

— О каком настриге вы говорите?! Ведь это уже та самая овца, с которой шерсти клок, да и то непригодный! А о воспроизводстве в таком возрасте и говорить-то неприлично!

— Ну, так почему своевременно не препроводили их куда следует? Почему не дали превратиться в филейную часть либо грудинку?

— Нам велят их держать! Велят!—ударил себя кулаком в галстук Виктор Иванович.—Забивать овец и сдавать на комбинат запретили. Приказ! Вот и составляем акты на падеж. В год вынуждены списывать до восьмисот животных. Реализовать на мясо почти ничего не удается.

«Может, забарахлили барабанные перепонки и мы ослышались?»—холодея, подумали проверяющие. Но нет.

— Выбраковку непродуктивных овец,—говорил В. И. Гайдуков,—не разрешают в вышестоящей организации. А стоит над нами трест «Сахсвекла».

И представьте, никто в «Сахсвекле» не признал в оригинальном приказе—держать овец вплоть до летального исхода—своего личного авторства.

Директор «Сахсвеклы» Игорь Петрович Васильев всего без году неделя как руководит этим трестом, еще не окунулся в дела и полной ответственности, естественно, пока не несет.

Его зам по животноводству Борис Николаевич Шевченко также имеет железное алиби: отсутствовал! И клятвенно заверяет, что такого приказа не подписывал.

Начальник управления сельского хозяйства Курского облисполкома Петр Федорович Котов про долгожителей из «Октябрьского» слыхал, но что́ именно, не упомнит.

Его зам Владимир Иванович Зайцев вообще ничего об этом не слышал, не видел и не знает, хотя в его дверь не раз стучался Гайдуков со слезными мольбами помочь отменить сахсвекольный приказ. И ныне тщетно вершит свой бег по служебным коридорам Виктор Иванович: акты на выбраковку не утверждают.

Почему?

И на цыпочках подкрадывается отгадка... Ведь до тех пор, пока под овечьей шкурой еще что-то теплится и особь, хоть и с натяжкой, можно назвать живой, она—г о л о в а. На деле-то просто кожа да кости, но все равно—г о л о в а! И потому позволяет выводить в отчетной графе «ВЫХОДНОЕ ПОГОЛОВЬЕ» победные цифры. Пусть со сдачей мяса государству произошел некоторый конфузец (недовыполнение на шестьдесят один процент), зато полюбуйтесь, какая красота в этой графе—сплошь перевыполнение! Да на таких цифрах, да с песнями, да со всей «Сахсвеклой»—прямая дорога в передовые! В образцово-показательные!

А тем временем в тиши и полумраке овчарен, ведя подсчет триумфальному поголовью, нет-нет да и задержится консилиум зоотехников над бездыханной овечкой, нахмурит лбы в сомнении: в победный список вписывать данную недвижимость или же в поминальник как усопшую?

— Ни бе, ни ме,—констатирует пессимист.—Полумертвая особь-то.

— Да нет, потрогайте, еще полуживая!—бодро подмигнет оптимист и росчерком пера приплюсует полуживую к лику живых.

Курская область.

— Та машина пойдет на элеватор, а вы поедете в райцентр.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Решили сами построить клуб, чтобы молодые специалисты от нас не сбежали!..

Рисунок М. БИТНОГО.

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ПЕТРУШКА В ЦЕЛЛОФАНЕ

ОПАСНОЕ НАЗВАНИЕ

Вывеска торговой точки на привокзальной площади райцентра Синельниково обещала покупателям сладку ягоду. Овощная палатка так и называлась: «Ягодка». На вывеске были намалеваны гроздь винограда и вишенки, а на прилавке покоилась одна кукуруза.

— Где же ягодки?—обратился я к продавщице.

— Чем-чем, а виноградом и вишней торговать ни разу не приходилось,—зарделась абрикосовым цветом продавец А. А. Малеева.—Сколько лет работаю, все удивляюсь, кому в голову пришло назвать магазин «Ягодкой». Не назовешь его и «Кабачок» или «Баклажан», поскольку этих овощей у нас тоже в помине не бывает. Покупатели на меня дуются, а мне самой-то борща не из чего сварить. Вчера ходила на рынок за помидорами и сладким перцем. Увидели меня соседки и смеются: ты, мол, овощница, а сама овощи на базаре втридорога покупаешь...

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ...

«Ягодка» подчинялась Синельниковскому смешторгу. А персонально за корнеплоды и сладку ягоду отвечала товаровед Л. Н. Миргородская.

— Ругать нас все ругают: и покупатели и областное начальство,—поведала мне Любовь Никифоровна.—А как помочь—некому.

Так оно и было. Совхозы «Революционер» и «Синельниковский», например, обязанные поставлять овощи, постоянно нарушают договор. Впрочем, хозяйства эти на овощах не специализируются. Их основная продукция—зерновые, мясо, молоко. А посему за выполнение основного задания—почет и уважение, а срыв поставок огурцов и помидоров всегда можно чем-то объяснить: засухой, дождливой погодой, нехваткой рабочих рук и т. д. и т. п.

— Не буду голословной,—заглянув в тетрадку с цифрами, сказала Л. Н. Миргородская.—Этим летом совхозы обязались поставить двести тонн овощей, а не дали и половины... Что делать? Поехала в областное управление торговли за помощью, а там мне говорят, что по части овощей мы к ним больше не относимся, поскольку овощной отдел во главе с Иваном Ивановичем Слепухой упразднен. Теперь, мол, овощными делами заправляет специальное объединение «Днепропетровскплодоовощхоз», где наш Иван Иванович стал большим начальником—заместителем генерального директора по торговле. Ну, я скорее к Ивану Ивановичу в объединение. Выручайте, говорю ему, по старой дружбе, а он в ответ: я теперь не ваш, то есть вы, можно сказать, не наши...

Оказалось, что новоиспеченное объединение занимается снабжением овощами и фруктами лишь крупных городов области.

— А те, что помельче, вроде нашего Синельникова, остались беспризорными,—печально заключила Л. Н. Миргородская.—Э-эх, теперь пиши пропало, коли сам Иван Иванович от нас отвернулся...

Следующим визитером к И. И. Слепухе был ваш корреспондент.

БЕДНЫЙ РОДСТВЕННИК

— Наше объединение само нуждается в помощи,—выслушав мой рассказ о нуждах Синельниковского смешторга, пояснил И. И. Слепуха.—Идея создания объединения, призванного устранить препоны между овощными плантациями и торговыми прилавками, в общем-то прекрасна. А поскольку в наших руках должны быть и плантации и прилавки, трест совхозов выделил нам сорок шесть овощеводческих хозяйств, а управление торговли—двести пятьдесят магазинов. Но вот в чем неувязочка: раньше в этих магазинах, кроме овощей, имелись сопутствующие товары—и дорогие и дешевые. Теперь осталась лишь недорогая овощная продукция при том же плане товарооборота. В результате всего за четыре месяца работы мы как бы проторговались на пять миллионов рублей!

Кроме того, Слепуха поведал, что управление торговли должно было передать плодоовощхозу восемьдесят единиц годного автотранспорта. А передало даже восемьдесят одну колымагу—вот только место им не на дорогах, а разве что в музее старины...

Новому объединению нужны овощехранилища, холодильники, перерабатывающие предприятия. А средств на новое строительство республиканское Министерство плодоовощного хозяйства не выделило.

— Вот такие пироги с капустой!—вздохнул Иван Иванович.

ГРОЗНЫЙ КОНКУРЕНТ

— Но, несмотря на все трудности, у нас есть мечта!—поделился со мной сокровенным Иван Иванович Слепуха.—Мы мечтаем достать аппарат для склеивания целлофана.

— ?!

— С помощью такого аппарата мы наверняка станем достойными конкурентами бабки! Ну, той самой, что торгует петрушкой!

Дело, оказывается, в том, что огородная зелень хороша в свежем виде, а через день-два она теряет запах, желтеет, увядает. Помещенная же в целлофановый пакет, петрушка остается зеленой в течение целой недели...

Это, конечно, хорошо, что у бабки-огородницы наконец появился грозный соперник в виде целого объединения! Однако создание новой организации само по себе еще не гарантирует успеха. Для того, чтобы объединение «Днепропетровскплодоовощхоз» могло выдержать конкуренцию с бабкой, его нужно, как говорится, поставить на ноги.

От редакции. Фельетон В. Канаева был написан в августе прошлого года. Прочитав его, Крокодил засомневался: сто́ит ли критиковать Днепропетровское объединение, а вместе с ним республиканское Министерство плодоовощного хозяйства, которые появились на свет совсем недавно? Не подождать ли, ну, хотя бы год, а затем снова вернуться к этому вопросу?

Ровно через год Крокодил командировал своего спецкора в Днепропетровск. Вот что он увидел и узнал.

* * *

На этот раз меня принял первый заместитель генерального директора «Днепропетровскплодоовощхоза» М. П. Гомоля.

— Нынешней зимой и весной мы успешно справлялись с планом товарооборота и буквально завалили покупателей свежими плодами,—сообщил он.—Ну, а потом получилась закавыка...

Тут зазвонил телефон.

— Понимаю, что на полях совхоза «Подгородний» лежит семьдесят тонн картофеля!—закричал в трубку Михаил Петрович.—Картошка может подождать, нам огурцы и помидоры вывозить нечем. Из-за отсутствия машин уже провалили июльский план товарооборота.

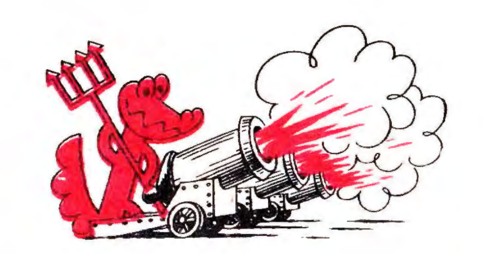
— Как же вы ухитрялись выполнять план зимой и весной?—спросил я, когда Михаил Петрович бросил трубку.

— Наши собственные овощи тут ни при чем, и аппарат для склеивания целлофана мы не достали. Это нам аист помог,—несколько загадочно улыбнулся тов. Гомоля.

Первый заместитель генерального директора имел в виду аиста, нарисованного на этикетках, которые украшают ящики с заморскими цитрусами.

Ну что ж, спасибо аисту, что помог объединению «Днепропетровскплодоовощхоз» оживить плодоовощную торговлю. Но когда же оно наконец получит конкретную и деловую помощь от своего министерства? Ну, хотя бы тем же автотранспортом для вывозки из хозяйств зеленой продукции...

Днепропетровская область.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ИЗОЗАЛ

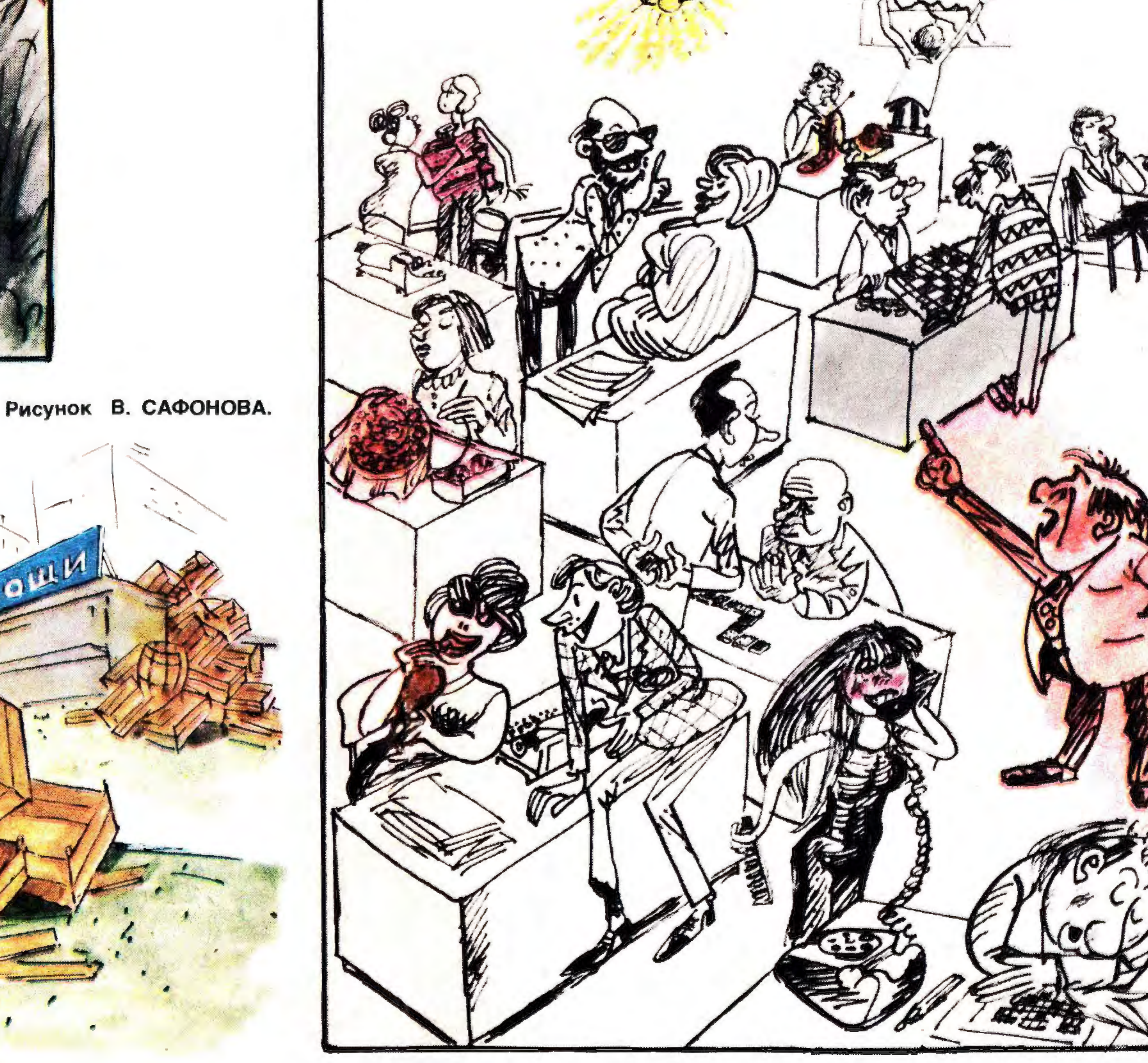

— Мы встретились на узкой тропе. Ужас объял меня. Напряжение нарастало с каждой секундой. В какой-то миг я понял: поединок неизбежен, или он — или я!..

Рисунок Г. ИОРША.

— Иван Иваныч, боюсь, тару придется сдавать — оказывается, ее пропитали каким-то огнезащитным составом.

Рисунок В. САФОНОВА.

— Безобразие! Не экономите электроэнергию!

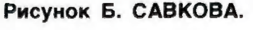

Рисунок Б. САВКОВА.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

— Есть решение — банкеты после защиты диссертации не устраивать...

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

В. БОЛЬШАКОВ

ЛИЧНЫЙ ДРУГ

Когда новый сотрудник приходит наниматься в Управление по международным связям США (УМС), кадровики задают ему вопрос:

— А вы знаете, кто такой мистер Чарльз Уик? Вам что-нибудь говорит это имя?

— Ха!—отвечает, новичок.— Смеетесь? Это же босс вашей, то есть, надеюсь, и моей будущей конторы!

— И это все, что вы можете сказать?

Новичок напрягается, мобилизуется и наконец выдает более обширную информацию:

— Чарльз Цвик на заре карьеры дирижировал джазом в Кливленде, затем сменил неблагозвучную, несколько воробьиную фамилию Цвик на вполне англосакскую Уик и перебрался в Голливуд. Там неплохо подзаработал, обзавелся санаториями и кинотеатрами... Ну, а с приходом к власти администрации Рейгана Чарльз Уик стал директором УМС.

— Что-то вы не то говорите, совсем не то,—угрюмо поджимают губы кадровики, и лопатки новичка становятся шершавыми от озноба.— Запомните, если вы, конечно, не испытываете патологического влечения к бирже труда,—мистер Уик хочет, чтобы все сотрудники знали и растолковывали другим, что он в первую очередь близкий друг президента. Усвоили? Не просто личный, но близкий! Все прочее—чепуха и мелочь.

Вообще-то Чарльз Уик давно считал будущего хозяина Белого дома звездой номер один на американском политическом небосводе. Недаром он собрал для его предвыборной кампании 1980 года ни много ни мало 15 миллионов долларов. И, как видим, действительно не даром: Уик был поставлен во главе учреждения, задача которого не собирать доллары, а пускать их на ветер, конкретнее—в эфир. Подкармливаемый живительным источником в виде почти полумиллиарда казенных долларов в год, денно и нощно бубнит на сорока языках «Голос Америки», баюкая простодушных сладенькими сказками о том, какая прекрасная страна Соединенные Штаты, какая там распрекрасная демократия и наираспрекраснейшее миролюбивое и гуманное правительство.

ОБЧИЩАЕТ. **Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.**

В администрации Рейгана, очевидно, полагали, что такой знаток индустрии развлечений и рекламы, как Уик, быстро сумеет наладить конвейерное производство также и специальных пропагандистских радио- и телешоу, а также рекламных брошюр, прославляющих американский образ жизни.

И Уик взялся за дело засучив рукава. Но начал он с самого себя. Кливлендский мещанин, пробившийся в вашингтонское дворянство, Чарльз Уик жаждал самоутверждения. Преодолевая тайный комплекс неполноценности, он, как бывает в таких случаях, ударился в другую крайность—хвастливую саморекламу. Даже когда ему заказывают авиабилеты, его секретарша непременно сообщит агенту авиакомпании, что летит не какой-нибудь Уик, а Уик—личный друг президента. Среди своих подчиненных он не преминул как бы невзначай обмолвиться, что костюмы он шьет только в Лондоне на Севиль-роу—улице фешенебельных портных, по 1200 долларов за штуку. Вот так-то, знай наших!

Уика уже не останавливают часовые и охранники ни в госдепартаменте, ни в ЦРУ, ни в Пентагоне. Он проходит, не предъявляя документов, едва не лопаясь от счастья: еще бы, друг «самого» идет. И даже охранникам это известно!

Теперь пришла пора взяться и за служебные дела. Тех, кто, по его мнению, не годился на роль аллилуйщика Америки, он вызывал для доверительной беседы.

— Вы, дружок,—вкрадчиво говорил он,—работаете в УМС, а здесь не надо особенно умствовать. Ваша задача—продавать образ Америки и делать все, чтобы этот товар был ходким. Что? Вы хорошо разбираетесь в международных делах? Я, например, в этом ни черта не смыслю, но зато знаю, как нужно делать рекламу. И это не мешает мне руководить УМС!

Уик объявил, что информация ему нужна «из первых рук», чтобы «сделать пропаганду более эффективной». Ну, а кто же в США по части антикоммунистической пропаганды мастак номер один? ЦРУ, конечно! И, когда знакомишься с разного рода «внутренними директивами» УМС о вещании на «коммунистические страны», сразу ясно становится, чья профессиональная рука выводила такие вот, к примеру, строчки:

«...Мы должны стараться дестабилизировать Советский Союз и его сателлитов, способствуя разладу между народами и правителями... Мы должны раздувать пламя национализма в коммунистических государствах... Нам следует поощрять возрождение религиозных чувств за железным занавесом...»

Из подобных документов, составленных в знакомом замогильном духе «холодной войны», торчат все те же ослиные уши—уши ЦРУ.

Всю жизнь затаенной мечтой бывшего джазмена было поставить суперграндиозное шоу, такое, чтобы не горстка кливлендских твистунов и рок-н-роллеров, а весь мир прямо-таки визжал и плакал.

И вот в начале этого года сбылась мечта господина директора. В эфир была выпущена телепередача «Пусть Польша останется Польшей». Как писала газета «Интернэшнл геральд трибюн», это «безвкусное шоу оказалось, по всеобщему мнению, политическим ляпсусом». И европейцы и американцы, которым из собственного опыта известно, как кисло обстоят дела с правами человека в «свободном мире», попросту переключались на другой канал—подальше от грязной стряпни УМС.

Но пресса еще не знала Уика. Его чуть тронь—он тут же в Белый дом, по прямому проводу. Своих политических противников и попросту критиков он шельмует не иначе, как «обманутых коммунистами», а то еще обзывает и «коммунистическими попутчиками». А это уже термины из словаря сенатора Джо Маккарти, чью «охоту на ведьм» в Америке хорошо помнят. Вон как Уик брызжет слюной, выступая с трибуны конгресса. Чистой воды Маккарти!

«Мы участвуем в войне идей,—говорил Уик в марте этого года, добиваясь от конгресса новых ассигнований для своего ведомства, теперь уже в размере 640 миллионов долларов.—Нашим противником является Советский Союз, а нашим оружием—истина!»

Что же, все правильно сказал Уик. Кроме последнего слова. Оружием УМС в психологической войне против стран социализма была и остается ложь. «Но об этом,—говорят осведомленные вашингтонские журналисты,—в прессе лучше ни-ни, ни слова! Вы же знаете Чарльза Уика! Он ведь чуть что—по прямому проводу, туда!..»

ПОЗИТИВЫ-НЕГАТИВЫ

Нет, что ни говорите, а сервис наш движется вперед семимильными шагами. До чего дошло: если клиент не идет к сервису, то сервис приходит к клиенту на дом. Скажем, вот Юрий Иванович Свербиненко: сидит у себя в квартире, тихо-мирно потягивает чай с баранками, и вдруг звонок. Открывает — на пороге стоит мужчина довольно приличной внешности. Хотя и в валенках с галошами. Но лицо интеллигентное.

— Здрасьте,— говорит хозяин.— Вы к кому?

— К вам,— отвечает гость и смотрит на него пристально, с прищуром.— Лично вас я вижу только на дереве.

Хозяин пугается и спрашивает:

— Это в каком же смысле, извините?

— В прямом. Я приемщик из нашего сыктывкарского фотоателье «Объектив». Мы для клиента чего хотите сварганим. Можем вас на блюде фаянсовом изобразить. Или на супнице. А можем взять, к примеру, уже готовый снимок и перенести его на деревянную доску. Тоже необычайно привлекательно. Было бы желание клиента. И деньги.

Ну, Юрий Иванович подумал и решил запечатлеть себя на полированном дереве. На сосне, скажем, чтобы хвоей пахло. Для дизайна квартиры и вообще на память.

А приемщик все без промедления оформил. Достал книжечку с квитанциями, пошелестел фиолетовой копиркой, как положено, написал чего надо в трех экземплярах, фотооригиналы положил в специальный конвертик и деньги взял согласно прейскуранту — 26 рублей и 20 копеек. С тем и убыл. А Свербиненко лишний раз подивился, до каких высот поднялся у нас теперь этот самый сервис.

Но тут, однако, выяснилось, что есть в работе фотоателье «Объектив» отдельные организационные неувязки. То есть сбор-то денег и фотоснимков у населения работники сервиса поставили отлично. Но вот с изготовлением заказов еще имеются кое-какие недочеты. Нет, фотограф, исполняющий фотографии на дереве, имеется. Но нештатный. Он работает по совместительству и поэтому невероятно тянет с выдачей готовой продукции. А из штатных — только заведующий ателье и приемщик, которые заняты в основном оформлением заказов и подсчетом поступающих средств. Им фотоснимки печатать некогда. Да и не умеют они.

Короче, сидит товарищ Свербиненко уже полгода без обещанного дерева, без фотооригиналов, без 26 рублей 20 копеек, но зато с квитанцией. Которую он собирается приклеить на дуб или на сосну и повесить у себя в комнате. Как символ прогресса сыктывкарского фотосервиса.

Мих. КАЗОВСКИЙ.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ПИРОЖОК

— Ну-с, на что жалуетесь? — задал традиционный вопрос человек в белом халате, заглядывая в рот пациента: вместо передних зубов там зияла дыра.— Странно! На вид очень крепкие зубы...

— Это я, доктор, пива попил,— степенно прошамкал пациент.— В столовой № 9, от вокзала на пятом трамвае... Может, знаете? Да у нас в Хабаровске все ее знают.

— В вашем возрасте ввязываться в пьяные драки...— покачал врач головой.

— Вы не так поняли, доктор: это от пирожка, от закуски. Вообще-то я есть не хотел, только пить... Полчаса из-за одной кружки в очереди простоял... А мне пирожок в придачу. Пробовал отказаться, да куда там — продавщица вежливо так разъяснила мне: «Ты что,— говорит,— ослеп или читать разучился? Видишь, что написано: пиво без закуски не отпускается...» Пришлось взять. Вообще-то их все в урну бросали. А я вот рискнул отведать...

Е. МИТИНА.

БАНДАЖ В КОМПЛЕКТЕ

Что делать с лекарствами, которые не пользуются спросом и валяются годами в витринах аптек?

«Их надо списывать по акту, если срок действия прошел»,— ответит опытный пациент-читатель.

Выбросить-то просто, а как в смысле экономичности и с точки зрения рентабельности? Убыток налицо. Надо придумать что-то другое.

Прекрасный выход из положения нашли в поселке Серышево, что в Амурской области. Вот, скажем, киоск № 1 — детище аптеки № 12. К киоску подходит покупательница.

— Мне две баночки бальзаму.

— Пожалуйста,— приветливо отвечает киоскерша А. Сырвачева,— с вас два рубля шесть копеек.

— Почему? Они же по 35 копеек.

— Этак все набегут на бальзам. Посему отдельно и не продаем,— вразумляет ее киоскерша.— Он у нас в наборе «От головной боли»: амидопирин, фенацетин, пенталгин...

— А как без врача их принимать? — пытается выкрутиться покупательница.— Еще навредишь себе самолечением.

— Не навредите, гражданочка! — горячо уверяет киоскерша.— Они давно выдохлись, даже на кошку не подействуют. И разговору-то из-за двух рублей!

Покупательница, вздыхая, платит, кладет бальзам в сумочку, а остальное швыряет в ближайшую урну.

А ведь здорово придумано! Вот только не знаем, кому лавры присвоить: не то самой киоскерше, не то работникам аптеки, не то их начальству... Им бы не останавливаться на достигнутом, а пойти дальше. Ну, допустим, вы спрашиваете горчичники.

— Пожалуйста! — отвечают вам.— Горчичники у нас идут вместе с клистирной трубкой.

К пластырю можно было бы «прицепить» зонд для выкачивания желудочного сока, к валокордину бандаж. А попросите две пачки ваты — вам вручат в нагрузку, скажем, парочку устрашающего вида инструментов для удаления зубов.

— Ничего! Клещи — они в хозяйстве пригодятся,— утешит вас добрая душа — киоскерша.

В. КРАЙНОВА,
Амурская обл.

37 ЛЕТ СПУСТЯ...

Я недавно познакомился с одним столетним дедулей. И, конечно, стал выяснять, как ему удалось дожить до этаких лет, что́ он ел, что́ пил. А он и выкладывает: «Не в пище,— говорит,— дело, а в том, что я за свою жизнь ни разу не менял места жительства. Все сто лет живу в одном селе, в одном доме. А самое опасное,— говорит,— для человеческой жизни — это переезд с места на место».

Я сначала с недоверием отнесся к его теории о влиянии переездов на продолжительность человеческой жизни. Но, когда в редакцию пришло письмо от инвалида войны Семена Ивановича Карпова, понял, что столетний старец не так уж был и далек от истины.

Семен Иванович прошел всю войну, что, как вы понимаете, было связано с переменой места жительства. Он не только покинул свой дом, а еще и передвигался с нашими частями: бои в Сталинграде, освобождение Керчи, Закарпатья, Венгрии и т. д. Все это не могло не отразиться на его здоровье. В результате он был дважды тяжело ранен, а его мать дважды получала на него похоронки. И хотя С. И. Карпов имеет 20 боевых орденов и медалей, нельзя не признать, что отрыв от дома вредно сказался на его здоровье.

А спустя 37 лет после войны Семен Иванович переехал из города Днепрорудного Васильевского района Запорожской области в город Сасово Рязанской области. Этот переезд в условиях мирного времени также принес ему огорчения, а любые огорчения, как известно, не очень-то полезны человеческому организму.

Семена Ивановича, можно сказать, в третий раз ошибочно похоронили: Васильевский райсобес на официальную просьбу Сасовского горсобеса выслать пенсионное дело Карпова по новому месту жительства ответил: «Названный Вами гражданин Карпов С. И. в числе пенсионеров и инвалидов войны не значится».

Вот вам еще одно подтверждение теории столетнего старца. Из-за перемены места человека в третий раз похоронили. А когда тебя заживо хоронят, это, согласитесь, здо́рово действует на нервы. Тем более что Васильевский райсобес на письма Семена Ивановича не отвечает.

М. ЗОИН.

Сергей РЕВЗИН

Без всплеска и выплеска

Энергия!.. Какое чудо!
Беречь ее — закон для нас.
И мне пришла идея: буду
Учиться экономить всюду
Своей энергии запас.
А это сложное искусство —
Уметь себя предостеречь:
Тут сэкономить выплеск чувства,
Там всплеск эмоции сберечь.
И, мысля в данном смысле здраво,
Решил я с малого начать —
Налево, так же как направо,
Улыбок зря не расточать.
А что? По-моему, логично
Улыбку нашу ставить в ряд
Пусть малых, но типичных личных
Энергетических затрат.
И вот вам справка — без ошибки,
Поскольку строгий вел учет:
Мной сэкономлены улыбки
Почти на восемь лет вперед.
Не улыбаюсь я соседям,
Коллегам, родичам, друзьям,
Родной жене, любимым детям,
Себе не улыбаюсь сам.
Непритязателен и скромен,
Скажу транжирам всех мастей:
Я сверхэнергоэкономен,
Я сам прораб своих страстей!
Надеюсь, оценить должны вы
Мои труды, воскликнув: — Блеск!
Так улыбаться бережливо!
Так экономить выплеск-всплеск!
Но знаю: есть всему граница.
Чтоб не причислили к глупцам,
Я улыбаюсь... единицам.
Кому? Руководящим лицам,
Сантехникам и продавцам.

Скромность

Отмечала именины небогато
Тетя Маша с мясокомбината.
Дядя Паша упрекнул ее сурово,
Что не подана на вертеле корова.

Долечить недолеченного

Будто бы весь штат с похмелки,
Еле дышит СМУ. Оно
Устраняет недоделки,
Как в замедленном кино.
Да к тому же — факт не мелок! —
Невозможно не учесть,
Что в доделке недоделок
Недоделки тоже есть.
Люди! Будьте так любезны,
Подлечите это СМУ.
С недолеченной болезнью
Век не справиться ему.
Нужен курс припарок, грелок
И контроля строгий глаз
Для доделки недоделок,
Недоделанных сейчас!

Нежности

Невесту звал он ласково
Лисичкой, норкой, ласкою.
Женившись, дал ей прозвище
«Лохнесское чудовище».

По исходным данным

Учитель спросил на уроке: — Петров,
К каким мы животным относим коров?
Петров был отличником, знал он предмет
И дал обстоятельный, точный ответ:
— Работают близко от нас химзаводы,
А там никогда не фильтруют отходы.
А в этих отходах немало отравы,
А этой отравой отравлены травы.
А травы с отравой коровы едят,
А значит, с травою едят они яд.
А значит, должны мы по данным исходным
Коров отнести
к траво-ядным животным.

Склад и вклад

Завскладом был особенного склада:
Он, честно не трудясь ни часу,
Достойного не внес в работу вклада,
Но внес достойный вклад в сберкассу.

История болезни

— Подумать о своем здоровье,
Иван Петрович, вам пора,
У вас плохой анализ крови, —
Предупредила медсестра.
— Подумать? — И, вздохнув печально,
Иван Петрович поднял бровь. —
Подумать должен мой начальник,
Ведь это он мне портит кровь!

Сухари

Черствые люди в хлебторге
у дел —
Значит, быть черствым и хлеба
удел!

Оформление Л. САМОЙЛОВА.

Когда погорелец погорел...

Б. ЛИВШИН, специальный корреспондент Крокодила

Совещание открылось при закрытых дверях. Заместитель директора научно-исследовательского технологического института антибиотиков и ферментов медицинского назначения Г. Ф. Сребницкий легким покашливанием потребовал внимания:

— Произошло ЧП: у всеми нами почитаемого Игоря Михайловича сгорела дача!

Он сделал небольшую паузу, чтобы присутствующие могли осознать и прочувствовать ситуацию.

— Но должен сказать, что Игорь Михайлович не пал духом: он лично поручил руководству института разработать мероприятия по ликвидации ЧП. Решение организационных вопросов возложено на начальника научно-организационного отдела Валерия Семеновича Мочалова.

— Из глубины веков пришел к нам обычай миром помогать погорельцу.— В. С. Мочалов еще со времен написания кандидатской диссертации привык тесно увязывать практику с теорией.— Опираясь на эту прекрасную традицию, мы решили восстанавливать дачу силами коллектива. Первый этап — уборка пепелища по субботним и воскресным дням. Автомашины для вывозки мусора занаряжены. Вопросы?

— А если здоровье не позволяет? — робко спросил представитель прослойки слабосильных научных сотрудников.

— Это не шефский выезд на совхозные поля! — пресек попытки увильнуть от пепелища опытный начальник отдела.— В такой момент прикрываться медицинскими справками по меньшей мере неэтично!

Но вскоре руководители операции убедились, что на специалистах по антибиотикам и ферментам далеко не уедешь. Разбирая битый кирпич и обгоревшее железо, кандидаты наук, старшие и даже младшие научные сотрудники проявили полнейшую физическую несостоятельность, вызванную постоянным общением с колбами, пробирками и другой легковесной мелочью.

— Хлюпики эти ученые мужи,— в два голоса жаловались директору И. М. Терешину Сребницкий и Мочалов.— Придется звать на помощь варягов.

— Зовите,— согласился директор.— Заодно подумайте о привлечении квалифицированных строителей.

И на помощь ученым-хлюпикам пришли варяги — оформленные в штат института разнорабочие. Когда же дело дошло до фундамента, стен и всяких там перекрытий, коллективные выезды и вовсе прекратились: теперь на дачном участке трудились квалифицированные мастера, переброшенные сюда со строительных институтских объектов. Материалы тоже не лимитировались: Сребницкий буквально из-под земли добывал самый дефицитный дефицит.

— Да-с, впечатляет,— скупо улыбнулся Игорь Михайлович после придирчивого осмотра сауны, зимней оранжереи, гаража и двухэтажного коттеджа площадью за сотню квадратных метров.— Но меня неприятно поражают голые стены.

— Виноваты,— потупились организаторы стройки,— недодумали.

— А вы додумывайте,— чуть шире улыбнулся директор.— Додумывайте в полном объеме.

Вскоре голые стены уже не оскорбляли взыскательный директорский глаз: из института на дачу завезли мягкую мебель, ковры, хрустальные люстры, стереофоническую радиоаппаратуру.

И тогда Терешин заулыбался совсем широко:

— Ну что ж, будем считать, что вы справились с поставленной задачей. Теперь здесь можно отдыхать.

Но не пришлось Терешину отдыхать на даче. Коттеджем с оранжереей и сауной, построенными за государственный счет, исчезнувшими из института коврами, мебелью, телевизорами и другими слагаемыми дачного интерьера заинтересовались компетентные органы, и директор Терешин, говоря словами его соседей по камере, погорел...

— Каков Терешин? Чуть ли не в пятьдесят тысяч рублей обошлась государству его дача! — негодовали, встречаясь у институтских ворот, специалисты по антибиотикам и ферментам.— А его заместитель Сребницкий, начальник отдела Мочалов, заведующий сектором Боровков или руководитель вычислительного центра Хлыбов? Как они опозорили наш славный коллектив! Каким пятном покрыли его доброе имя!

Впрочем, теперь-то уж научные сотрудники стараются не смотреть друг другу в глаза и торопятся переключить беседу на последнюю премьеру театра имени Ленсовета или на лечебные свойства богатой витаминами черной смородины. Ну ее, эту скользкую тему о Терешине и его подручных. Того и гляди соскользнешь на разговор о собственной причастности к дачной эпопее. Ведь коллективные выезды на директорское пепелище происходили у всех на виду, да и строительство дачи за государственный счет для многих не было тайной. А известно: если ты равнодушно смотришь, как на твоих глазах совершается преступление, то вольно или невольно становишься его соучастником. Если не с уголовной, то, уж во всяком случае, с моральной точки зрения.

Эту непреложную истину сотрудники института антибиотиков и ферментов теперь уж постигли в полном объеме. Правда, лишь после того, как погорелец Терешин действительно погорел.

г. Ленинград.

Мимоходом

Если тебя назвали верблюдом, то, чтобы доказать обратное, иногда приходится пролезать сквозь игольное ушко.
И. СУРОВЦЕВ.

Иные давно уже превратили золотую середину в золотую жилу.
Игорь БЕРЕЗИНСКИЙ.

Если дело мастера боится, значит, есть отчего.
Геннадий МАЛКИН.

Стóит немного покопаться в себе, как сразу находишь массу достоинств.

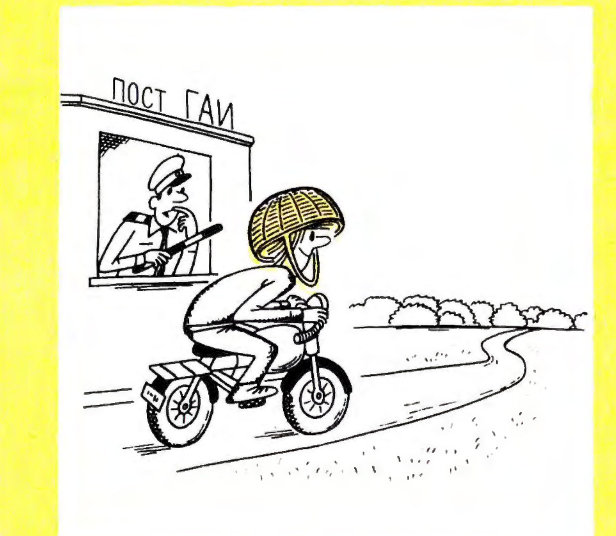
Не умеешь проигрывать — не проигрывай.

Я бы никогда не спорил, если бы со мной всегда соглашались.
Анатолий РАС.

Трудно скрыть не то, что есть, а то, чего нет.
А. САМОЙЛЕНКО.

КРОКОДИЛИНКИ

Рисует Владимир ВЛАДОВ

— Лыжню!

«В родильных отделениях баз №1 и №15 установлены газовые плиты для обогрева новорожденных телят с нарушениями правил устройства электроустановок».

Газета «Знамя Победы», Семиозерный район Кустанайской области.

«До 1980 года организация пастьбы жителей поселка организовывалась по линии КБО».

Газета «Агинская правда», Читинская область.

«Селезнева А. С.— начальника канализационной сети в связи с производственной необходимостью о т м е н и т ь».

(Из приказа). Прислал М. Марченко, Краснодарский край.

Прислал В. Приданников, г. Челябинск.

«Начальнику ЖЭК
Зализничного района г. Львова
Просим срочно выделить представителя с доверенностью для принятия участия в подмочке промтоваров в магазине №41 ОРСа 22.II—1982 г. по вине жильцов.

Начальник ОРСа
З. В. Жукровский».

Прислала О. Кунтий, г. Львов.

«Категорически запрещается отталкиваться от пола ногами, руками и другими конечностями».

(Объявление на аттракционе). Прислала С. Кузнецова, г. Минск.

«На преступление меня толкнула страшная глупость и в первую очередь — любовь к музыке».

(Из кассационной жалобы).

«Действия моего подзащитного, использовавшего для кражи колеса домкрат и торцевой ключ, нельзя рассматривать как совершенные с применением технических средств. Это привычный для шоферов инструмент и столь же обыденный для них, как для нас ложка и вилка».

(Из выступления адвоката). Прислал В. Ткаченко, г. Мурманск.

Прислали многие читатели.

«25-го января с. г. я пошел лечить зубы. Врач дала мне справку, а не больничный. Я обиделся, порвал ее, а потом начал гулять и сделал общий прогул 10 рабочих дней».

(Из объяснительной). Прислал Ю. Васильев, г. Ростов-на-Дону.

«Наибольшую толщину — 80 тысяч километров — земная кора имеет под Гималаями».

Газета «Волжская правда», г. Волжский.

«Этот молодой человек уложен для детского сада».

(Пояснение во время демонстрации мужских, женских и детских причесок). Прислала В. Викторова, г. Кызыл.

«Ушла затовариваться».

(Объявление на ларьке). Прислал А. Григорьев, г. Симферополь.

«В группе, о которой идет речь,— телята старше двадцатилетнего возраста».

Газета «Новая жизнь», Ростовская область.

«Блохин попал в штангу. Но это было после свистка. К тому же, это был и не Блохин».

(Из футбольного телерепортажа). Прислал В. Голобородько, г. Москва.

«Красота, весна, хна! Сегодня и всегда эти слова стояли рядом».

(Из рекламного объявления в газете «Вечерний Омск»).

Неспроста новая книжка сатирических рассказов, юмористических миниатюр и сценок Семена Комиссаренко называется «ПАРАДОКС СО ВРЕМЕНЕМ» (издательство «Искусство», 1981 г.). И недаром одна из новелл озаглавлена «Ультразвук», другая — «Умная машина» и т. д. Дело в том, что Семен Комиссаренко — ведущий конструктор в одном из НИИ. В сборник вошли вещи, напечатанные в свое время в «Крокодиле», «Юности», «Литературной газете». Автор пишет о напористых прощелыгах, о самодовольных мещанах и величавых бюрократах. Не милует он и тех своих коллег, кто, отрастив «интеллектуальную» бородку, ведет отнюдь не интеллектуальный образ жизни...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

●

В справочном бюро большого магазина в Гамбурге женщина спрашивает:

— К вам случайно не обращался мой муж? Я назначила ему здесь свидание, но опоздала на час.

— А как выглядит ваш муж?

— Я думаю, ужасно разозленным.

●

— Как вы себя чувствуете? — спросил врач пациента.

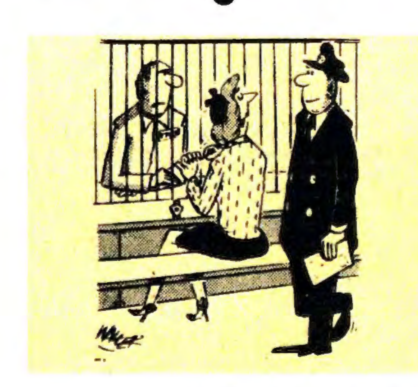
— Гораздо лучше, доктор. Думаю, что мне помогло ваше лекарство. Я самым тщательным образом следовал указаниям, написанным на бутылочке.

— А что там было написано?

— «Держать плотно закрытым».

●

«Урзика», Румыния.

— Пожалуйста, скажите мне, когда кончится дождь.

«Дейли миррор», Англия.

●

На генеральной репетиции режиссер обращается к молодой актрисе:

— Боюсь, в столь воздушном платье вы не сможете как следует сыграть свою роль.

— Но почему?

— Видите ли, в решающей сцене ваш жених говорит вам: «Дорогая, ты от меня что-то скрываешь». Согласитесь, при этом туалете фраза звучит как шутка.

●

Эрнст РЁЛЬ (ГДР)

ДОСТУПНО ЛИ ЖИВОТНЫМ МЫШЛЕНИЕ?

Доступно ли животным мышление? Интересный вопрос! Пожалуй, большинство ученых склоняются к тому, что животные мыслить не способны.

Если, однако, принять во внимание тот факт, что куры откладывают яйца величиною точно с подставку для яйца, а крохотные, казалось бы, лишенные рассудка комары прекрасно знают, где туристам удобнее всего разбить палатку, невольно начинаешь задумываться над этим вопросом.

Кроме того, все видели попугаев, которые прекрасно умеют разговаривать. Мало того, они делают это без бумажки!

Или, скажем, собаки — ведь они гораздо лучше выполняют функцию сторожей, нежели сами сторожа. А пчелы? Сравните их со строителями, и вы сразу поймете, что дело не так просто. Вы слышали когда-нибудь, чтобы пчелы сдавали соты с недоделками? Нет? То-то же. А чтоб строители сдавали свои объекты без недоделок? Вот и думай, кто мыслит, а кто и нет.

Я лично, как вы уже, наверное, догадались, склоняюсь все-таки к тому, что мы недооцениваем разум животных. И самый серьезный довод для меня — это скумбрия. Я глубоко убежден, что она не только мыслит, но и может дать сто очков вперед любому самому натренированному дельфину. У бедняги прорва врагов в необозримых водных просторах, и поэтому она вынуждена скитаться по Балтийскому морю, пока не набредет на какое-нибудь рыболовное судно из Ростока. Тут она облегченно вздыхает и стремительно идет в сети. Полдела сделано! После этого она охотно дает консервировать себя, твердо зная, что именно в консервной банке у нее появляется вполне реальный шанс остаться несъеденной.

Перевел Е. СУББОТИН.

Милослав ШВАНДРЛИК (Чехословакия)

РАННИЙ ГОСТЬ

Пан Гокинарж имеет обыкновение одалживать у меня предметы, которые он не хочет покупать. Честно говоря, раздражает меня не это, а то, что заходит он за ними в самое неподходящее время.

Пан Гокинарж уже привык будить меня. Он, бедняга, мается бессонницей и считает этот неприятный недуг уделом всего человечества. Поэтому он появляется возле моих дверей одновременно с первыми лучами солнца и просит хриплым голосом одолжить ему точило для косы.

Естественно, он его не получает. У меня нет косы, а, следовательно, нет и точила. Я вежливо сообщаю моему раннему гостю, что с удовольствием снабжу его «Грамматикой чешского языка» или пузырьком синих чернил. Нет, этого ему не надо. Он громко изумляется тому, что есть на свете люди, могущие как-то обойтись без точила, и удаляется по направлению к соседнему дому. Назавтра он, разумеется, снова стучит в мою дверь. Теперь ему нужна какая-то проволока. Он терпеливо объясняет, какая именно. Я зеваю и бормочу, что проволоки у меня нет. Ни одного сантиметра! Но пан Гокинарж не верит и требует, чтобы я поглядел на чердаке — на всех чердаках, по его мнению, проволоки хоть завались. Я сонно карабкаюсь по приставной лестнице, пачкаю новую пижаму, но порадовать соседа мне нечем. Раздосадованный, он удаляется, и вид у него такой, будто я утаил по меньшей мере пять километров этой злосчастной проволоки. Но, как оказывается, он вовсе не обижен и не собирается вычеркивать меня из своего списка потенциальных поставщиков.

На следующий день, стоит только запеть петуху, как пан Гокинарж тут как тут. У него в доме мыши, а мышеловки, которые он купил недавно, какие-то странные. Надо, чтобы я отыскал у себя мышеловку понадежнее. Я покорно лезу в подвал, где копаюсь в куче угля в поисках той самой ржавой штуковины, что еще семь лет назад сдал в металлолом. Но пан Гокинарж мне не верит. Помоему, он считает, что я просто скряга.

— Понимаете,— объясняет он мне,— сосед должен помогать соседу. Так издавна ведется в деревне, и только вы, дачники, заводите тут новые порядки. Вот вы, например, ни разу мне ничего не одолжили, и это с вашей стороны просто некрасиво! Вам ведь тоже от меня может что-нибудь потребоваться!

Он довел меня до того, что я решил перейти в контрнаступление и целый день обдумывал план мести. Наконец, меня осенило. Едва лишь пробило полночь, как я отчаянно стал колотить в дверь пана Гокинаржа.

— Понимаете,— сообщил я полуодетому хозяину,— у меня дома есть старая керосиновая лампа, только вот без фитиля. А у вас я им не смогу случайно разжиться?

— Я посмотрю, конечно.— Он наморщил лоб.— Но вряд ли...

Он полез в сарай, долго там возился и вернулся ни с чем. Когда мы распрощались, было уже два часа ночи.

На следующее утро он не пришел. Через день тоже. Он ходил по всей деревне, но моего дома как будто не замечал.

Я возрадовался, решив, что мне удалось навеки отвадить пана Гокинаржа. Но не тут-то было! Он появился через три дня в свое обычное время и сообщил о себе громким стуком в дверь. Я выбрался из постели и, чертыхаясь, поплелся отворять. Гокинарж сиял:

— Представьте себе, сосед, я отыскал чудесный фитиль. Может, вы мне одолжите вашу керосиновую лампу?

Перевела И. БЕЗРУКОВА.

«Дикобраз», Чехословакия.

●

Лорд отчитывает своего дворецкого:

— Я трижды звонил в колокольчик, но вы не явились. Что происходит?

— Прошу прощения, сэр, я не слышал звонка.

— Вы должны были прийти и доложить, что не слышите.

— Скажите, синьор Качелли, вы собираетесь провести отпуск дома или уедете?

— Это будет зависеть от результатов ревизии, которая сейчас проводится в нашем банке.

«Остен», Югославия.

— Вы не представляете, как мне бывает трудно с женой,— жалуется пациент психиатру,— она задает мне какой-нибудь вопрос, сама же на него отвечает вместо меня, а потом полчаса объясняет, почему я ответил неправильно.

●

Шеф обращается к служащему:

— Знаете, Олафсон, от работы пока еще никто не умирал.

— Да, но, кажется, я рискую стать первой жертвой.

●

— Разрешите доложить! Вернер Хольст, чистильщик второго разряда, явился в ваше распоряжение!

«Биллед-бладет», Дания.

Слова, слова...

Если все на тебя точат зубы, значит, еще не съели.

Наблюдение каннибалов.

Какую только личину не натянешь, чтобы сохранить свое лицо.

Анонимный вздох.

Иногда выбиться в лидеры помогает мания преследования.

Шутка кенийских легкоатлетов.

В жизни, как и в футболе, главное — вовремя выйти на свободное место.

Поговорка итальянских тиффози.

КРОКОДИЛ
№ 28 (2398)
октябрь

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

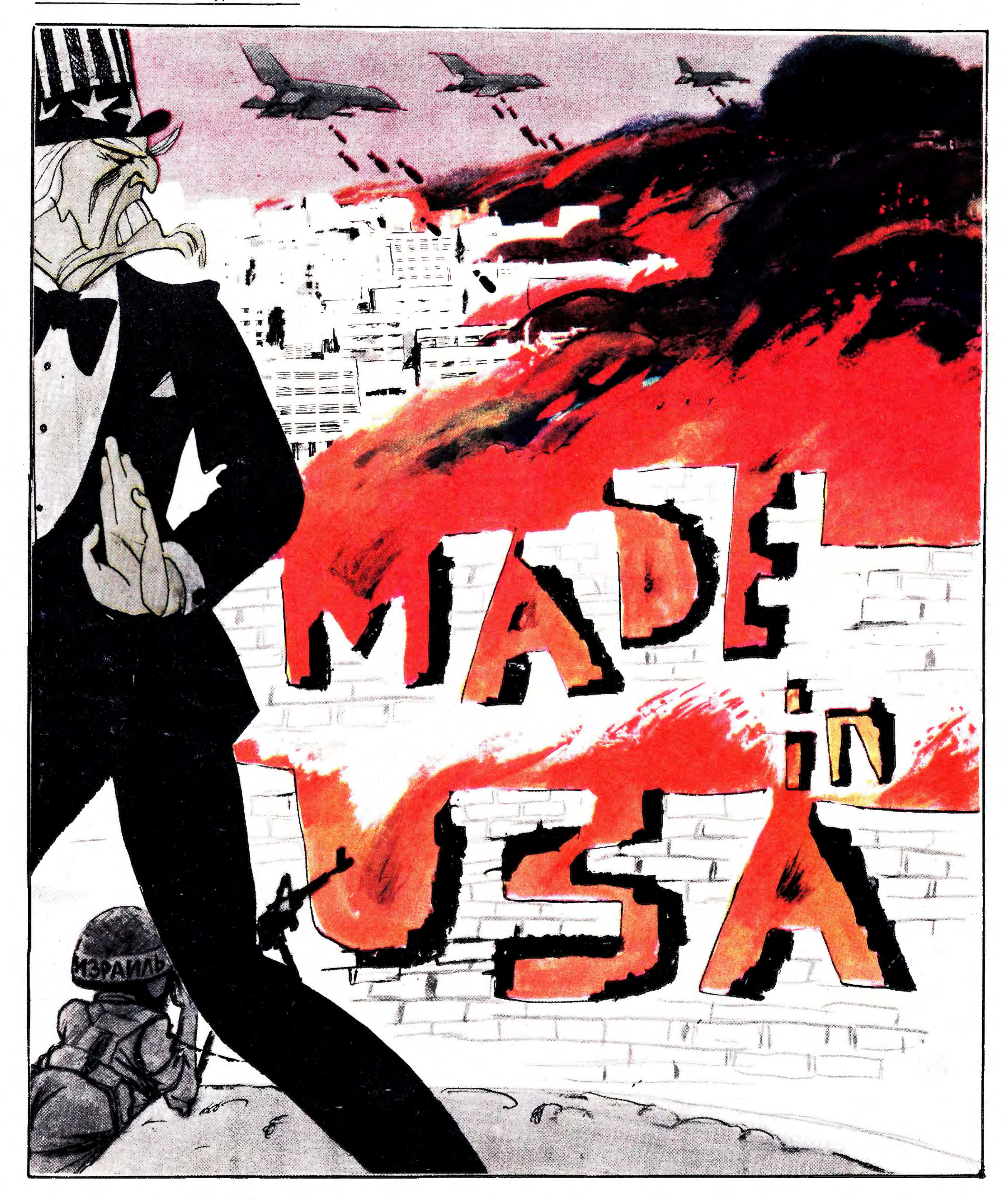
Темы рисунков этого номера придумали: А. Бавыкин (г. Мурманск), М. Битный, М. Вайсборд, С. Веткин, В. Владов, Р. Друкман, В. Мочалов, В. Сафонов, Ю. Степанов, Ю. Черепанов.

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 01.09.82.
Подписано к печати 08.09.82.
А 05180.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 620 000 экз.
(2-й завод 3470764—3921085).
Изд. № 2316. Заказ 04617.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва А-137, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

— Нет, нет! Мы абсолютно непричастны к зверствам в Ливане!

Рисунок В. МОЧАЛОВА.